

Пушкинъ и русская литература ¹⁾).

Орд. проф. В. М. Истрина.

Мм. Гг.!

Въ настоящій день мы переживаемъ знаменательное событіе: мы чествуемъ память творца русской поэзіи и русской литературы. Давно уже прошелъ о нашемъ поэтѣ «слухъ по всей Руси великой» и не разъ русскимъ писателямъ и ученымъ выпадала на долю счастливая участь въ сознаніи важности подобныхъ событій подтверждать, что Пушкинъ есть національная литературная слава Россіи. Шестидесять только лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ «замолкли звуки дивныхъ пѣсень», а между тѣмъ въ этотъ періодъ русская литература раздвинулась до такихъ предѣловъ, захватила такую широкую область воспроизведенія жизни, открыла міру такія тайны духовной жизни человѣка, что обозрѣватель невольно останавливается въ изумленіи и, отыскивая основныя свойства во всемъ разнообразіи русской литературы, въ каждомъ нашемъ писателѣ находитъ частицу Пушкина. Часто едва уловимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпчайшими нитями связывается вся русская литература съ поэзіей Пушкина, и эта-та связь, инстинктивно познаваемая даже тѣми, кто не имѣетъ ни времени, ни охоты задуматься надъ опредѣленіемъ значенія нашего поэта, и является одной изъ причинъ, заставляющихъ въ нынѣшній день соединяться для чествованія начала этой связи. Но если вся послѣдующая наша литература находится въ тѣсной связи съ поэзіей Пушкина, то, съ другой стороны, сама его поэзія тѣсны-

¹⁾ Произнесено въ торжественномъ собраніи университета и городского управленія 26 мая.

ми узами сплетается со всей ему современной и прошедшей русской литературой. Пушкинъ является, такимъ образомъ, на рубежъ двухъ періодовъ русской литературы: переживъ на себѣ все, что пережила и переживала русская литература, глубже, чѣмъ кто либо другой, почувствовавъ чужое наслѣдіе, Пушкинъ силою своего гения ввелъ русскую литературу на путь самостоятельнаго творчества и указалъ ей средство изъ положенія ученическаго перейти въ положеніе сотоварищества съ западно-европейскими литературами.

Каковъ же былъ внутренній процессъ такой дѣятельности, которая еще при самомъ началѣ заставляла современниковъ невольно удивляться дарованіямъ нашего поэта? Съ именемъ Пушкина связывается представленіе о преобразователѣ русской литературы. Русская литература и до Пушкина пережила нѣсколько періодовъ своего развитія, и каждый періодъ связывался съ именемъ того или другого писателя, давашаго своими произведеніями новое направленіе литературѣ. Но каждое новое направленіе, заступая мѣсто стараго, не вытѣсняло окончательно послѣдняго и существовало рядомъ съ нимъ. Каждое старое направленіе имѣло горячихъ защитниковъ, не выносившихъ нововведеній и вступавшихъ въ ожесточенную борьбу съ защитниками новыхъ вѣяній. Пушкинъ выступилъ на литературное поприще въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ общественной и литературной жизни общества. Только что кончились Наполеоновскія войны, вознесшія Россію на высоту политической славы и открывшія въ то-же время русскимъ людямъ многія, мало извѣстныя, а иногда и совсѣмъ неизвѣстныя стороны общественной, политической и литературной жизни. Начало XIX вѣка было знаменательно не для одной только Россіи: западная Европа также вся пришла въ движеніе, и на глазахъ у всѣхъ выросъ романтизмъ, который оказалъ громадное вліяніе на зарожденіе новыхъ отраслей гуманитарныхъ наукъ и новаго направленія литературы. Въ русской литературѣ романтизмъ явился на смѣну французскому псевдоклассицизму, который, выросши во Франціи въ зависимости отъ условій придворной жизни при Людовикѣ XIV, въ Россіи оказался наноснымъ явленіемъ. Не одна Россія подчинилась его вліянію: и Германія испытала на себѣ всю тяжесть его, и нѣмецкіе поэты 18 вѣка жалуются на это порабощеніе. Когда во Франціи сталъ разру-

паться старый аристократическій строй и на сцену выступило третье сословіе, тогда и къ литературѣ были предъявлены новыя требованія. На смѣну внѣшней отдѣлки произведенія, отдѣлки, совершенно оставлявшей въ сторонѣ внутреннее содержаніе, выступало болѣе свободное отношеніе къ формѣ. На мѣсто царей и придворныхъ лицъ, бывшихъ героями псевдоклассической литературы, становится обыкновенный человѣкъ съ его будничной обстановкой и съ разнообразными движеніями души. Простой народъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе романтиковъ, и вотъ они начинаютъ изучать внѣшнюю и духовную жизнь народа, записываютъ его пѣсни, сказки и преданія. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ подъемомъ національнаго духа проявляется любовь къ своей старинѣ, и вотъ начинается изученіе среднихъ вѣковъ, бывшихъ дотолѣ въ пренебреженіи и у псевдоклассиковъ и у философовъ XVIII вѣка. Развивается мистицизмъ, и начинаетъ нравиться все неясное, туманное, чтò приводитъ къ знакомству съ восточными литературами. Однимъ словомъ, новое литературное движеніе совершенно стало въ противодѣйствіе старому, и насколько предшествующая теорія ставила необходимымъ условіемъ подчиненіе строгимъ правиламъ и господство однообразія, настолько романтизмъ казался нарушеніемъ всякихъ правилъ, «соединеніемъ всѣхъ разрозненныхъ поэтическихъ видовъ, стремленіемъ сдѣлать поэзію жизненной и общественной и, наоборотъ, придать жизни и обществу поэтической характеръ».

На западѣ борьба новаго направленія съ старымъ шла, конечно, съ болѣшимъ напряженіемъ силъ. Это и понятно, такъ какъ то и другое литературное направленіе тѣсно связывалось съ самой жизнью. Но борьба проявилась и у насъ, и поэтическая дѣятельность Пушкина играла самую существенную роль въ этой борьбѣ. Съ романтизмомъ русскіе читатели познакомились еще въ концѣ прошлаго столѣтія, затѣмъ Жуковский познакомилъ русскую публику съ одной стороною романтизма, а Батюшковъ выдвинулъ на сцену новую область интимной лирики. Но настоящимъ представителемъ романтизма считался у современниковъ Пушкинъ. «Нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ»—говоритъ одинъ недовольный критикъ о поэмѣ «Русланъ и Людмила». Выпуская за Пушкина «Бахчисарайскій Фонтанъ», Вяземскій пишетъ предисловіе, въ которомъ разбираетъ сущность романтической поэзіи и защищаетъ ея

право на существованіе: И вся литературная критика двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, спорившая и за и противъ романтической поэзіи, группировалась около Пушкинскихъ произведеній. И самъ Пушкинъ признавалъ себя романтикомъ. «Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіей, въ ней-же первая персона Борисъ Годуновъ» — пишетъ Пушкинъ Вяземскому по окончаніи своей драмы. Въ то-же время въ письмѣ къ Бестужеву онъ говоритъ: «Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ издать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма». И тутъ-же прибавляетъ: «Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то»—прибавленіе важное, указывающее намъ еще на одну сторону дѣятельности Пушкина. Пушкинъ самъ пытался опредѣлить сущность новаго явленія въ русской литературѣ, но не склонный по свойству своего ума къ теоретическимъ разсужденіямъ, не могъ дать, какъ и другіе, точнаго опредѣленія романтизма. «Наши критики» — говоритъ Пушкинъ — «не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ... Къ классическому роду, продолжаетъ онъ, должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ или коихъ образцы они намъ оставили... Если-же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій... Какіе-же роды стихотвореній должны отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими». — Опредѣленіе едва ли справедливое, но показывающее, что для Пушкина самое названіе не имѣло особеннаго значенія. Передавъ послѣдніе стихи Ленскаго, Пушкинъ добавляетъ: «Такъ онъ писалъ темно и вяло, что романтизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ ни мало не вижу я». Пушкинъ придавалъ болѣе значенія фактамъ, нежели словамъ.

Осмѣявъ въ концѣ VII пѣсни Евгенія Онѣгина классическую привычку начинать каждое произведеніе воззваніемъ къ классической музѣ, Пушкинъ восклицаетъ: «Съ плечъ долой обуза!» Этимъ словомъ довольно вѣрно можетъ быть выражено основное положеніе классицизма. Если на западѣ, во Франціи классицизмъ былъ вызванъ къ жизни общественными условіями, то у насъ онъ былъ искусственнымъ насажденіемъ. Пушкинъ

это хорошо понималъ; и потому былъ убѣжденъ, что и защитники классицизма у насъ не представляютъ собой органическаго явленія и, если они временами и появляются, то это обстоятельство, по его мнѣнію, еще не даетъ права считать нашъ классицизмъ такимъ явленіемъ, противъ котораго нужно серьезно бороться. Послѣ выхода Бахчисарайскаго Фонтана съ предисловіемъ Вяземскаго Пушкинъ пишетъ послѣднему: «Но старая классическая (поэзія), на которую ты нападаешь, полно, существуетъ-ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ... что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Василій Львовичъ. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность? Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?»—Итакъ, по мнѣнію Пушкина, нѣтъ ни тѣхъ ни другихъ. Однако фактъ былъ на лицо, если противъ Пушкина вооружались во имя правилъ классицизма. Но въ томъ-то и дѣло, что Пушкинъ хорошо понималъ, что вооружаются именно изъ-за правилъ, и, отдѣляя требованія теоріи отъ искренняго убѣжденія русскихъ классиковъ, онъ вступалъ въ борьбу съ правилами. Борьба у Пушкина шла главнымъ образомъ практически: каждое его новое произведеніе наносило классицизму тяжелый ударъ. Но онъ высказывалъ и теоретическія сужденія и поощрялъ всякую попытку сбросить съ литературныхъ произведеній тяжкія оковы классическихъ правилъ. «Ты перевелъ Сидя», пишетъ онъ Катенину: «Скажи: имѣли ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна. Пощечина, данная рукой гигантскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Боже мой! она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева». Эту борьбу противъ всего того, что съ точки зрѣнія французскаго классицизма считалось неприкосновеннымъ, Пушкинъ считалъ необходимою. «Стань за нѣмцевъ и англичанъ», пишетъ онъ Вяземскому, прося его написать предисловіе къ Кавказскому Плѣнику, «уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи». «Я не люблю», пишетъ онъ тому же Вяземскому, «видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности; грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія... И неоднократно Пуш-

кинъ останавливался на вопросѣ о значеніи и характерѣ французской литературы.

Но для насъ важны не только опредѣленія классицизма и романтизма какъ самимъ Пушкинымъ, такъ и его современниками. Для русской литературы романтизмъ важенъ какъ новая область художественнаго воспроизведенія жизни и человѣка въ словѣ. Романтизмъ есть прежде всего борьба личности противъ наложенныхъ на нее внѣшнихъ условій. На этой почвѣ выросла, между прочимъ, поэзія Байрона, наложившаго свою властную руку и на русскую поэзію. И ранняя поэзія Пушкина является протестомъ противъ внѣшнихъ стѣснительныхъ условій какъ по отношенію къ чисто литературнымъ проявленіямъ, такъ и по отношенію къ общественному положенію. Поэмы Пушкина открывали собой новый фазисъ въ развитіи не только литературныхъ формъ, но и въ развитіи самого общества. Отдѣльная личность, не выдающаяся изъ среды другихъ какими-либо особенными качествами, не герой въ смыслѣ ложноклассицизма — становятся въ центрѣ художественнаго произведенія. Выросшая въ средѣ воинственныхъ горцевъ черкешенка, воспитанная въ простотѣ патриархальной жизни цыганка, взятые изъ хорошо знакомой среды Плънникъ и Алеко, нарушители общественного спокойствія—братья разбойники, дикій крымскій ханъ—все эти люди явились въ произведеніяхъ Пушкина съ требованіемъ дать просторъ и возможность проявленія своимъ душевнымъ волненіямъ и съ явной смѣлостью бросить въ лице общества презрѣніе къ условной морали. Пускай характеры героевъ оказались недостаточно ярко очерчены, въ чемъ признавался и самъ Пушкинъ: для насъ остается первостепенной важною фактъ возвеличенія личности и признанія за ней права на вниманіе къ ея душевнымъ движеніямъ.—Это первый фазисъ переживанія Пушкинымъ романтизма. Пушкинъ не останавливается на этомъ, и въ его душѣ происходитъ дальнѣйшая упорная работа надъ выработкой новаго содержанія, и вотъ его геній выдвигаетъ намъ то, что уже давно было заложено въ его душѣ.—«Можетъ быть—говоритъ онъ—я перестану быть поэтомъ, вселится въ меня новый бѣсъ, и я унижусь до смиренной прозы. Тогда закатъ мой займетъ романъ на новый ладъ: я изображу въ немъ не тайныя муки злодѣйства, а просто перескажу преданья русскаго семейства, плѣнительные сны любви и нравы нашей старины».

Такъ вотъ къ чему долженъ былъ привести Пушкина романтизмъ! Преданья русскаго семейства и нравы русской старины обѣщаетъ намъ представить поэтъ. Новость-ли это? Нѣтъ. Издавна наблюдалось стремленіе изображать русскую старину и преданья русскаго семейства, и это стремленіе всегда являлось скрытымъ или явнымъ противодѣйствіемъ увлеченію иностранщиной. Но новостью является заявленіе поэта, что онъ всѣ эти старинныя преданія и нравы перескажетъ «просто». Простота—вотъ будетъ отличительный признакъ его романа. «Я перескажу — говоритъ онъ — простыя рѣчи отца или дяди-старика, условленныя встрѣчи дѣтей, мученья несчастной ревности, разлуку, слезы примиренья, вновь поссорю, и, наконецъ, я поведу ихъ подъ вѣнецъ». Его героями явятся теперь не закаленные въ злодѣйствахъ отверженцы общества, не герои съ высокой думой на лицѣ, а простые люди въ своей будничной житейской обстановкѣ.—Это одно изъ основныхъ качествъ поэзіи Пушкина—«простота» кладется въ основу позднѣйшей литературы. Вліяніе нѣмецкаго, а затѣмъ и французскаго романтизма быстро пронеслось надъ русской литературой и, исполнивъ свое назначеніе, уступило мѣсто реальному изображенію жизни. Пушкинъ и даетъ намъ первые примѣры такого изображенія жизни, въ которомъ всѣ дѣйствія и разговоры выбранныхъ героевъ представлены читателю съ полной художественной простотой. Какъ высоко одаренный художникъ, Пушкинъ, освободившись изъ-подъ вліянія романтизма, чутко относится къ изображенію каждаго чувства, каждаго положенія, каждаго описанія, и вмѣстѣ съ «простотою» выставляетъ еще два требованія—естественность и правдивость. При необыкновенно изящной формѣ эти внутреннія качества поэзіи Пушкина сдѣлали ее идеаломъ, по мѣрѣ приближенія къ которому оцѣнивались всѣ послѣдующіе писатели. Послѣ Пушкина во всей силѣ сказались эти качества, а когда выступилъ на сцену Гоголь, тогда у нашихъ писателей установилось твердое мѣрило въ выборѣ сюжета и въ способѣ его изложенія. Мы такъ уже сжились съ этими качествами, чарующими насъ въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей, что первое требованіе, которое мы предъявляемъ къ новому произведенію, выражается въ удовлетвореніи естественности, правдивости и простотѣ. Русская жизнь давала нашимъ писателямъ новое содержаніе, возведшее русскую литературу на степень общечеловѣческой, а художественность изо-

браженія дана Пушкинымъ. Въ его поэзіи искусство достигло своего апогея, и этотъ фактъ возносить заслугу Пушкина на недостижимую высоту. Какъ бы мы ни разсматривали искусство,—или какъ нѣчто самоовлѣющее, имѣющее цѣль въ самомъ себѣ, или какъ средство для тѣхъ или другихъ цѣлей, мы не можемъ отдѣлять идею отъ способа ея воспроизведенія. Идея тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на умъ человѣка, чѣмъ художественнѣе ея выполненіе и чѣмъ глубже, поэтому, впечатлѣніе, остающееся въ нашей душѣ. И если Пушкинъ является создателемъ художественной формы русской литературы, то тѣмъ самымъ цѣлая половина значенія русской литературы для человѣчества вынесена на его плечахъ, и тѣмъ самымъ мы съ полнымъ правомъ раздѣлимъ всю нашу литературу на двѣ половины: на одной сторонѣ стоитъ Пушкинъ, какъ создатель художественности, на другой—все остальные писатели, какъ воспользовавшіеся этой художественностью рѣчи для расширенія идейнаго содержанія литературы.

Пушкинъ есть олицетвореніе всей русской литературы. Естественность, простота и правдивость — эти качества новѣйшей литературы, замѣнившія собой чужія наслоенія, и въ поэзіи самого Пушкина заступаютъ мѣсто чужихъ вліяній и именно тѣхъ самыхъ, которые держали во власти всю русскую литературу. Природный гений поэта не позволилъ ему остановиться на избранной разѣ дорогѣ и чрезъ преграды, поставленныя чуждыми руками, велъ его къ художественной правдѣ. Чуткость поэта къ правдивости, естественности и простотѣ поэтического произведенія развивалась у него съ годами. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода своихъ первыхъ поэмъ, онъ уже замѣчаетъ ихъ недостатки. «Кавказскій Плѣнникъ, говоритъ онъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ... Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣ Плѣнника... Молодые писатели—продолжаетъ онъ—вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно какъ мелодрама». Отъ этихъ-то недостатковъ и освобождался постепенно Пушкинъ. Освобожденіе отъ нихъ является, слѣдовательно, у Пушкина не только слѣдствіемъ одной бессознательной работы поэтического таланта, но и плодомъ изученія. И теорія и творчество шли у Пушкина рука объ руку.

Съ какими же новыми факторами въ связи совершалось это освобожденіе поэзіи Пушкина отъ наноснаго элемента? Опять мы возвращаемся къ тому же романтизму, хотя и не будемъ признавать за послѣднимъ исключительнаго вліянія въ выработкѣ указанныхъ качествъ поэзіи Пушкина. Воспитавшись на произведеніяхъ французской литературы и перенесши на себѣ вліяніе байронизма, Пушкинъ тѣмъ не менѣе былъ крѣпко привязанъ ко всему родному русскому. Еще въ дѣтствѣ, онъ становился лицомъ къ лицу съ народной жизнью, и въ своей юности онъ уже вспоминалъ село Захарово, гдѣ часто проводилъ время. Обучаясь въ Лицеѣ, онъ жилъ по лѣтамъ въ Михайловскомъ. Эта близость къ народной жизни наложила свой отпечатокъ на душу Пушкина, и впоследствии, когда кора чужого вліянія съ него спала, тогда эта близость опять ясно дала себя почувствовать и повела поэта на новый путь. Еще передъ отъѣздомъ на югъ онъ поэтически изобразилъ свое возрожденіе. «Какъ чуждыя краски, говоритъ онъ, наложенныя на картину генія, современемъ спадаютъ и созданіе генія выходитъ предъ нами съ прежней красотой, такъ съ измученной моей души исчезаютъ заблужденія и возникаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней». Полному возрожденію суждено было нѣсколько повременить, но тѣмъ дѣйствительнѣе оно было. Урокъ, данный старикомъ цыганомъ Алеко, имѣетъ для насъ значеніе не только общественнаго явленія, но и чисто литературнаго факта. «Сквозь магическій кристаллъ» Пушкинъ начинаетъ неясно различать «даль свободнаго романа», который надолго сдѣлался его спутникомъ и который особенно возвелъ поэта на высоту народности. Сѣмена, заложенныя въ богато одаренной душѣ поэта, быстро возрасли, когда онъ силою обстоятельствъ былъ перенесенъ съ юга Россіи въ свое Михайловское, гдѣ опять на него пахнуло народностью и простотой. Отнынѣ онъ оставляетъ своихъ прежнихъ героевъ, подернутыхъ дымкой таинственности, и показываетъ намъ всю на видъ прозаичную сторону русской жизни; героемъ его является отнынѣ «просто гражданинъ столичный; какихъ встрѣчаемъ всюду тѣмъ, ни по лицу ни по уму отъ нашей братьи не отличный». Простая семья Лариныхъ, простой помѣщичій образъ жизни—привлекаютъ его теперь къ себѣ. Даже сама природа влечетъ его отнынѣ особыми своими прозаичными свойствами. Не великолѣп-

ныя вершины Кавказа, не ослѣпительный блескъ моря нужны теперь поэту, а совершенно другія картины. «Люблю я песчаный косогоръ»—говоритъ онъ,—«передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ». «Теперь мила мнѣ балалайка—продолжаетъ онъ — «да пьяный говоръ трепака передъ порогомъ кабака». Поэту самому порой представляется странной такая перемена въ немъ и, сказавъ однажды, что «порой дождливою намедни онъ (я) завернулъ на скотный дворъ», поэтъ какъ-бы спохватывается и восклицаетъ: «Тьфу! прозаическія бредни! Фламандской школы пестрый соръ! Таковъ-ли былъ я разцвѣтая?» Въ концѣ VI пѣсни Евгенія Онегина Пушкинъ поэтически прощался съ юностью и встрѣчалъ свой полдень. «Съясной душой—говоритъ онъ—пускаюсь я нынѣ въ новый путь отдохнуть отъ жизни прошлой». «Лѣта клонятъ меня къ суровой прозѣ и гонятъ шалунью риму». Онъ желаетъ только одного—чтобы вдохновеніе прилетало почаще въ его уголъ и не давало его душѣ остыть, ожесточиться, очерствѣть и окаменѣть въ мертвящемъ упоеніи свѣта. Последняго не случилось, а первое исполнилось. Но его проза дала намъ опять таки не какихъ либо высокыхъ героевъ, но—станціоннаго зрителя, ремесленника-гробовщика, простаго офицера, дочь капитана въ отдаленной глуши и т. п. — Такъ расширялось содержаніе поэзіи Пушкина и опредѣлялось его отношеніе къ современности. Выступало на сцену новое требованіе, которое со времени Пушкина стало уже безошибочно примѣняться ко всякому литературному произведенію—народность. Пушкинъ, давая художественные образцы, проникнутые русской народностью, старался и теоретически выяснитъ сущность ея. Въ своей жизни онъ спукался до простонародности: входилъ въ сношенія съ простымъ народомъ, интересовался его бытомъ, записывалъ его пѣсни и любовался, какъ онъ говоритъ, игрой трепака. Но онъ хорошо понималъ, что отъ простонародности до народности большое разстояніе. «Одинъ изъ нашихъ критиковъ, — говоритъ Пушкинъ,—кажется полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи»; «другіе—продолжаетъ онъ, видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, объясняясь по русски, употребляютъ русскія выраженія». Не въ этомъ, по мнѣнію Пушкина, заключается народность. «Народность въ писателѣ—говоритъ онъ —

есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками: для других оно или не существует, или даже может показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствознній, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра—даютъ каждому народу особенную физиономию, которая болѣе или менѣе отражается въ поэзіи». Следовательно, быть народнымъ значитъ изображать окружающую дѣйствительность какъ она есть. Современники Пушкина далеко не все могли понять, что въ произведеніяхъ возмужавшаго таланта изображалась безъ прикрасъ русская народность, и только Бѣлинскому Пушкинъ обязанъ тѣмъ, что за нимъ усвоется имя народнаго поэта.

Въ этомъ вторая величайшая заслуга Пушкина. Его гений художественно представилъ намъ самыя лучшія внутреннія черты нашей народности и, такимъ образомъ, указалъ послѣдующимъ писателямъ тотъ путь, которымъ они должны идти, если желаютъ, чтобы ихъ творенія получили всеобщее значеніе. Русская литература въ настоящее время возвышается надъ другими именно своей индивидуальностью, изображеніемъ тѣхъ свойствъ, которыя отличаютъ одну національность отъ другой. Завѣтъ Пушкина исполняется тотчасъ же Тургеневымъ, говорящимъ намъ, что «въ народности ни искусства, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ». Но нужно было въ то время быть гениемъ, чтобы сознаніе народности не перешло въ кичливое національное самолюбіе и не выразилось-бы во внѣшнихъ только проявленіяхъ. Воспринимая все данныя европейской культуры, насколько послѣдняя является общечеловѣческой, Пушкинъ представляетъ намъ вполне русскаго человѣка, какъ онъ сложился на протяженіи вѣковъ, и нашимъ писателямъ оставалось только расширять содержаніе и отыскивать новыя свойства русскаго человѣка. Всякая неестественность въ изображеніи народныхъ чертъ послѣ Пушкина стала настолько ощутительна, что совершенно безъ слѣда исчезли прежнія манеры рисовать русскую жизнь съ чужихъ образцовъ. И опять, следовательно, мы раздѣлимъ всю нашу литературу на двѣ половины: съ одной стороны—вся плеяда писателей, изобразившихъ русскую народность съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, а съ другой—Пуш-

кинь, положившій прочное основаніе художественнаго воспроизведенія народности.

Развитіе литературы тѣсно связывается съ развитіемъ языка. То и другое находится во взаимномъ самодѣйствіи. Безъ развитого литературнаго языка не возможна высокая степень литературы и, съ другой стороны, безъ развитія литературы не можетъ развиваться и языкъ. Вотъ почему мы и наблюдаемъ, что выдающіеся таланты одинаково оставляютъ свой слѣдъ какъ въ проведеніи новыхъ идей, такъ и въ приданіи языку большей степени совершенства. На глазахъ Пушкина шла жестокая борьба по вопросу, какимъ языкомъ надо писать то или другое литературное произведеніе. Ему достался въ наслѣдство языкъ, уже достаточно тронутый Карамзинскими реформами, но предстояло сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы русскій литературный языкъ вполне соответствовалъ тому богатому содержанію, которое открывалось съ эпохи Пушкина. Въ своемъ стремленіи приблизить письменный языкъ къ языку разговорному Карамзинъ, широко пользуясь способомъ изобрѣтенія новыхъ словъ, мало вносилъ въ него элемента чисто народнаго. Пушкинъ восполнилъ эту сторону. Все у него оказывалось, такимъ образомъ, въ связи—и содержаніе и способъ его выраженія. Русскій языкъ, по словамъ Пушкина, гибокъ и мощенъ въ своихъ оборотахъ и средствахъ, переимчивъ и общежителенъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ. Но Пушкинъ хорошо видѣлъ, что еще много предстоитъ работы, чтобы русскій языкъ получилъ полное право гражданства. «Положимъ—говоритъ онъ—что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по русски не объяснились: метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ». Пушкинъ былъ для своего времени правъ, и только лишь съ тридцатыхъ годовъ сталъ у насъ вырабатываться метафизическій языкъ. «Проза наша, продолжаетъ онъ, такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣнность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны». Еще передавая письмо Татьяны, поэтъ замѣчаетъ,

что «донинѣ гордый нашъ языкъ къ почтовой прозѣ не привыкъ». Предстояла, слѣдовательно, работа, чтобы нашъ языкъ былъ вполне удобенъ для прозы. Пушкинъ видѣлъ могущественное средство къ тому въ освѣженіи книжнаго языка народными элементами. «Простонародное нарѣчіе», говоритъ онъ, необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей» — положеніе, вполне вѣрное. Не ту ли же судьбу испытала и вся русская литература? Народная поэзія, оторванная отъ просвѣщенныхъ людей и перешедшая къ Аринамъ Родіоновнымъ, въ лицѣ гениальнаго поэта возводится на должную высоту и своей чистотой и первобытностью освѣжаетъ старое содержаніе. Но гениальный поэтъ былъ чутокъ не только къ содержанію, но и къ формѣ. Разсматривая романъ Загоскина «Юрій Милославскій», Пушкинъ ставитъ ему въ заслугу, что «разговоръ живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ, обличаетъ мастера своего дѣла». Такимъ образомъ, Пушкинъ подмѣчаетъ въ простонародной рѣчи два важныхъ качества—живость и драматичность. Но какъ же можно пользоваться богатствомъ живого народнаго языка? Необходимо самому спуститься въ народъ, необходимо опроститься и послушать рѣчь простолюдина. И вотъ Пушкинъ, дѣйствительно, спускается въ народъ, ходитъ по базарамъ, прислушивается къ говору, и оставляетъ намъ драгоценный совѣтъ: «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презираютъ». Но не только для критиковъ нужно знаніе свойствъ народнаго языка. «Разговорный языкъ простого народа—замѣчаетъ Пушкинъ, достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. «Не худо намъ иногда—продолжаетъ онъ—прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». И Пушкинъ упорно работаетъ надъ языкомъ. Его природныя дарованія и необыкновенное чутье языка всегда полагали опредѣленную границу тому или другому элементу. При полномъ еще отсутствіи понятій о законахъ развитія языка, когда еще и не предчувствовалось существованіе новой науки, опредѣлившей впоследствии принципы жизни языка, Пушкинъ совершенно правильно смотритъ на взаимное отношеніе живого языка къ правиламъ, указываемымъ

грамматикой. «Грамматика,—говоритъ онъ,—не предписываетъ законовъ языка, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычай». Слѣдовательно, сначала идетъ живой языкъ, а потомъ и грамматика—положеніе, въ настоящее время азбучное, но во время Пушкина едва ли общеизвѣстное. Какъ вездѣ, такъ и въ языкѣ, въ заимствованіи ли слова изъ лѣтописей или изъ живого простонароднаго говора, Пушкинъ требовалъ чувства мѣры, а чувство мѣры опредѣляется истиннымъ вкусомъ. «Истинный вкусъ—говоритъ Пушкинъ—состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности». И первый, кто удовлетворилъ вполне всеѣмъ указаннымъ условіямъ, былъ самъ Пушкинъ. Необыкновенная сжатость и въ то-же время выразительность, мѣткость и точность въ выборѣ словъ, плавныя, но вполне соответствующія живой русской рѣчи краткія синтаксическія формы—все это, соединенное съ безыскусственностью, сдѣлало Пушкина учителемъ русскаго языка для всего послѣдующаго поколѣнія. Не безъ труда достигалъ Пушкинъ такого совершенства въ языкѣ, и его черновыя тетради свидѣтельствуютъ, сколько значенія придавалъ онъ отдѣлкѣ языка своихъ произведеній. Мало того, что онъ находилъ нужнымъ тщательно обрабатывать слогъ своихъ произведеній: ему приходилось, кромѣ того, объяснять критикѣ, почему онъ употребилъ тотъ, а не другой оборотъ. И здѣсь Пушкинъ выставляетъ то же требованіе, что относительно содержанія — простоту. Природное чувство изящнаго удерживало Пушкина на вершинѣ простоты, а истинный вкусъ заставлялъ его передѣлывать какъ стихотворенія, такъ и мелкія прозаическія статьи до тѣхъ поръ, пока не выливались тѣ слова и выраженія, которыя удовлетворяли поэтическому чувству поэта. Тѣхъ же качествъ и той-же отдѣлки требовалъ Пушкинъ и отъ другихъ. «Да говори просто: ты довольно умень для этого» — восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго объ Озеровѣ одну пышную фразу. Онъ зачеркиваетъ въ той же статьѣ фразу Вяземскаго «и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія», замѣняетъ ее другой «и совсѣмъ его забыли» и въ скобкахъ добавляетъ: «проще и лучше».

Вотъ третья великая заслуга Пушкина. Его талантъ опередилъ современниковъ. Гораздо раньше научныхъ открытій Пушкинъ вѣрно и твердо опредѣлилъ значеніе языка народнаго.

Въ настоящее время наука окончательно признала важное значеніе знакомства съ говоромъ вообще для правильнаго пониманія самаго роста языка. Въ чисто же литературной сферѣ языкъ Пушкина всегда служилъ примѣромъ умѣлаго обращенія съ нимъ. Нашимъ послѣдующимъ писателямъ значительно облегчалась задача: имъ уже не приходилось бороться съ недостатками русскаго языка, когда послѣ Пушкина онъ предсталъ предъ ними въ своемъ выработанномъ изящномъ видѣ. Лучшій нашъ стилистъ-художникъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, говоритъ, что онъ учился русскому языку у Пушкина, послѣдующіе учатся у Тургенева, и такимъ образомъ, между Пушкинымъ и послѣдующимъ поколѣніемъ писателей и въ этомъ отношеніи обнаруживается живая неразрывная связь.

Но слово есть внѣшнее выраженіе внутренняго содержанія, и языкъ есть могущественное средство для человѣка выражать свою внутреннюю индивидуальность. Если, по словамъ Пушкина, «есть образъ мыслей и чувствованій, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу», то, слѣдовательно, каждый народъ и выражается по своему. Чѣмъ шире содержаніе, тѣмъ разнообразнѣе и богаче языкъ, а чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ вѣрнѣе соотвѣтствіе между содержаніемъ и выраженіемъ. Если въ поэзіи Пушкина русская народность впервые явилась съ наибольшей рельефностью, то и самый языкъ его поэзіи наглядно обнаруживаетъ, какъ выражаетъ свои думы и чувствованія русскій человѣкъ. Послѣдующая плеяда писателей, расширяя содержаніе литературы, расширила и область чувствъ и думъ русскаго человѣка, но это расширеніе въ его внѣшнемъ выраженіи покоилось, какъ на твердомъ базисѣ, на поэзіи Пушкина, являвшей народность не только въ содержаніи, но и въ способахъ его выраженія. Пушкинъ, слѣдовательно, есть по преимуществу выразитель народнаго духа, отражающагося въ словѣ.

Творчество Пушкина шло рядомъ съ его отзывчивостью на литературные запросы. Онъ рѣдко вступалъ въ полемику, однако же постоянно высказывалъ свои взгляды и на состояніе современной литературы и на необходимость критики. Онъ старался себѣ самому дать отчетъ въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя онъ переживалъ подъ чужимъ вліяніемъ, и, освободившись отъ послѣдняго, давалъ ему характеристику. Пушкинъ былъ не

только поэтъ, но и литераторъ и до известной степени не былъ чуждъ и публицистики. Двадцатые и тридцатые годы текущаго столѣтія отмѣчены у насъ, между прочимъ, нарожденіемъ литературной критики. Критика захватила и Пушкина. Его критическія замѣчанія имѣютъ значеніе не столько по отношенію къ литературнымъ теоріямъ, которыя сами строились на его произведеніяхъ, сколько по своей связи съ его литературной дѣятельностью. Его замѣчанія касались характера самой критики и опредѣленія современнаго ея состоянія. Несмотря на обиліе для тогдашняго времени критическихъ статей объ его произведеніяхъ, Пушкинъ не признавалъ существованія у насъ критики въ собственномъ смыслѣ. «У насъ есть критика, но нѣтъ литературы» — писалъ его пріятель Бестужевъ; Пушкинъ на это возражаетъ: — «Гдѣ же ты это нашелъ? Именно, критики у насъ недостаетъ». «Критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи» — говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ. Бя младенческое состояніе, по его словамъ, выражается въ томъ, что, «она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя». Противъ послѣдняго-то свойства современной критики и вооружался Пушкинъ, говоря, что «состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще». Пушкинъ признавалъ важность критики, но насколько по своему таланту онъ превосходилъ другихъ, настолько же онъ возвышался надъ ними терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ: «Никогда не могъ я — говоритъ онъ — до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобы взять перо и приняться за возраженія или доказательства». И это происходило не отъ пренебреженія къ публикѣ, ибо Пушкинъ хорошо видѣлъ, что публика всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей: «Намъ все еще печатный листъ кажется святымъ» — говоритъ онъ.

Критика времени Пушкина не отличалась разборчивостью въ выраженіяхъ и не стѣснялась выходить изъ-за предѣловъ литературныхъ отношеній. Пушкинъ, поэтому, былъ вынуждаемъ иногда давать горячій отпоръ своимъ хулителямъ. «Будучи русскимъ писателемъ — говоритъ онъ — я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ». Вопросъ былъ только въ томъ, должно ли отвѣчать на критику.

Пушкинъ различалъ два рода критики: критику чисто-литературную и оскорбленія личныя или клеветы. И если «можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ, когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги, то (но) не должно оставлять безъ вниманія оскорбленія личныя и клеветы». «Публика не заслуживаетъ такого неуваженія»—добавляетъ Пушкинъ. Итакъ, отвѣчать на критику нужно, нужно руководить вкусомъ публики. Когда еще не выработано прочныхъ положеній ни политическихъ, ни общественныхъ, ни литературныхъ, тогда публика легко поддается тѣмъ, кто смѣлѣе и менѣе разборчивъ въ средствахъ. Пушкинъ видѣлъ необходимость противодѣйствовать разлагающему влiянiю такого рода литераторовъ и критиковъ, и пишетъ, что «въ Россiи періодическiя изданiя не суть представители различныхъ политическихъ партiй... но тѣмъ не менѣе общее мнѣнiе имѣетъ нужду быть управляемо». Какъ писатель и просвѣщенный человекъ, Пушкинъ хорошо понималъ, что литературная критика есть одинъ изъ способовъ образованiя общественности гражданъ. «Дружина ученыхъ и писателей — говоритъ онъ — стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенiя, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Ученые и писатели, слѣдовательно, не могутъ быть отдѣляемы отъ критиковъ и всѣ вмѣстѣ способствуютъ тому, что публика приучается вырабатывать свое мнѣнiе, и «такимъ образомъ—говоритъ Пушкинъ—и возрастаетъ могущество общаго мнѣнiя, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженiе къ личной чести гражданина».

Но чего же требовать отъ литературной критики, чтобы она исполняла одну изъ функций общественной жизни? Требования Пушкина вытекали изъ наблюденiя того состоянiя критики, въ которомъ она находилась въ его время. Критика же его времени далеко не отличалась ни твердо установленными принципами, изъ которыхъ она должна исходить, ни объективностью въ своихъ отношенiяхъ къ писателямъ. «Критики наши — пишетъ Пушкинъ—говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ

не выманишь». Такой способ критики не приносит никакой пользы. «Не довольно—говорить Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ—если критикъ рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ». Пушкину приходилось бороться и противъ внѣшнихъ пріемовъ критики. Онъ видѣлъ въ журналахъ критику мелочную, критику буквъ, отъ которой, по его словамъ, пора бы отвыкнуть. Критика напр. говорила, что такія-то и такія-то слова являются низкими. Пушкинъ на это отвѣчалъ: «Низкими словами я почитаю тѣ, которыя выражаютъ низкія понятія, но никогда не пожертвую искренностью и точностью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.». Критика говорила, что такое-то и такое-то стихотвореніе безнравственно, ибо его нельзя дать читать 15 лѣтней дѣвущкѣ. Пушкинъ на это возражаетъ: «Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣка... Но шутка, вдохновенная сердечною веселостью и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственной только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое средство».

Всѣ подобнаго рода отдѣльные отзывы и возраженія Пушкина приводятъ къ выводу, что онъ смотрѣлъ на критику какъ на весьма серьезное дѣло. Она должна идти вмѣстѣ съ литературой, образовывая и просвѣщая публику; она должна стоять на высотѣ своего достоинства и не допускать личнаго элемента; она должна обращать вниманіе не на слова, а на духъ произведенія, а въ своихъ сужденіяхъ не выставять чисто случайныхъ основаній.—Быстрые успѣхи сдѣлала русская критика со времени тридцатыхъ годовъ. Но мысли Пушкина, частію разсѣяныя въ видѣ афоризмовъ, проникаютъ и въ цѣлые трактаты позднѣйшихъ критиковъ. Эстетическая школа любовалась красотой литературнаго произведенія, и въ этомъ отношеніи сужденія Пушкина о всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ писателяхъ удивляли своею вѣрностью и сходились съ мнѣніями такого тонкаго цѣнителя, какъ Бѣлинскій. Когда критика приняла общественное направленіе, когда на Пушкина посыпался рядъ обвиненій въ служеніи чистому искусству и въ пренебре-

женіи запросами общества, то забывали при этомъ, что самъ Пушкинъ видѣлъ въ критикѣ могущественное средство образовывать общественное мнѣніе. Расширилось содержаніе русской жизни, раздвигалась и область литературы, мужала вмѣстѣ съ тѣмъ и критика; но если мы прослѣдимъ ея исторію, то и увидимъ, что она постоянно стремится къ той же цѣли, на которую указалъ Пушкинъ—именно къ образованію вкуса публики и къ управленію общимъ мнѣніемъ. И въ этомъ отношеніи Пушкинъ подаетъ нашему времени свою руку.

Мм. Гг.!

Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы официально вступимъ въ 20-е столѣтіе, и Пушкинъ для насъ станетъ поэтомъ прошлаго вѣка. Множество открытій принесетъ, конечно, этотъ вѣкъ, и многимъ народамъ откроются, можетъ быть, новые пути для всеобщей работы. Приобщенная къ процессу всемірной исторіи, воспринимая все данныя европейской культуры, и Россія вмѣстѣ съ другими вноситъ и будетъ вносить свою долю участія въ развитіи человѣчества, въ его стремленіи идти по пути матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія. Но работая прежде всего для своего дома, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ крѣпче привязывается къ нему и тѣмъ сильнѣе вырабатываетъ въ себѣ самосознаніе. Чествуемый нынѣ поэтъ сказалъ: «Независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы». Но самоуваженіе народа, какъ и отдѣльной личности основывается на самосознаніи. И если Пушкинъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ нашего самосознанія, то нынѣшній день есть по преимуществу день торжества русскаго человѣка. Вся Россія, отъ столицъ до глухихъ уголковъ, всему свѣту заявляетъ свои права на національную гордость и народное самосознаніе. Не увѣнчанный славою оружія полководецъ, раздвинувшій предѣлы русской земли, не государственный дѣятель или дипломатъ, дѣла котораго ясны всему міру, — чествуется нынѣ, но артистъ-художникъ, въ жестокій вѣкъ возславившій свободу и своей лирой пробуждавшій чувства добрыя. Этотъ артистъ-художникъ въ большей степени, чѣмъ кто либо, есть «радѣтель земли русской», и нынѣшнее всероссійское торжество въ честь создателя национальной литературы есть яркое доказательство нашей возмужалости. «Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, есть первый при-

знакъ ума просвѣщеннаго»—сказалъ чествуемый нынѣ поэтъ, а уважая своихъ славныхъ дѣятелей и всенародно воздавая имъ должное, мы тѣмъ самымъ показываемъ міру, что уважаемъ себя. Пушкинское торжество есть торжество народной гордости.

Но нынѣшній день есть также праздникъ искусства, и потому есть праздникъ всего человѣчества. Во всѣхъ концахъ Россіи раздается кличъ къ забвенію житейской прозы и къ освѣженію духа чистой поэзіей. Великій поэтъ самъ объясняетъ нынѣшнее торжество поэзіи: «Произведенія великихъ поэтовъ—говорить онъ—остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не потеряетъ своей младости». А если такъ, то всероссійское торжество поэзіи служитъ доказательствомъ, что человѣкъ стремится жить и дѣйствовать въ гармоническомъ сліяніи національныхъ силъ съ общечеловѣческимъ стремленіемъ къ правдѣ и съ общечеловѣческою готовностью на звуки лиры отзываться чувствами добрыми. «Поэзія есть земная сестра небесной религіи»—сказалъ учитель Пушкина, и нынѣшнее одушевленіе не есть-ли доказательство, что Пушкинъ вѣчно будетъ сіять для насъ, какъ творецъ художественной красоты? «Геній, какое направленіе ни изберетъ—говоритъ самъ Пушкинъ—останется всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси». — Судъ потомства уже свершился. Пусть же геній Пушкина будетъ витать надъ нашей словесностью свѣтлымъ геніемъ, побуждая насъ среди «житейскаго волненья» освѣжаться «чистыми звуками» поэзіи и отъ низменной житейской прозы возноситься къ созерцанію художественной красоты!

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІА, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.